

Р. М. Нагдян

<https://orcid.org/0000-0003-3520-3038>

Принцип тринитарности в трансцендентальной психологии

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-ОГН, проект 16-06-00574

В статье обсуждается вопрос об особенностях проявления принципа тринитарности в концепции психического отражения А. И. Миракяна. Проводится сравнительный анализ бинарного и тринитарного образов мышления. На примерах анализа концепции генетического развития интеллекта Ж. Пиаже и концепции психического отражения А. И. Миракяна показываются особенности проявлений бинарного образа мышления в психологии. В то же время указывается, что аналитический стиль мышления, характерный для бинаризма, является следствием формализации аристотелевской логики в виде «закона исключенного третьего». Поэтому бинарная схема рассуждений оказалась беспомощной перед проблемой синтеза. В противоположность бинарному тринитарное или триадическое мышление стремится к выявлению системных качеств явлений (или объектов), составляющих синтетическое единство, характеризующее их полноту и целостность.

С позиций представлений о тринитарности анализируются принципы порождающих процессов восприятия. Показывается, что порождение психического процесса отражения необходимо рассматривать в триаде *глобальность – анизотропность – продукт отражения*, представляющей структуру процесса непрерывного упорядочивания глобальности (мира до отражения) через порождающий принцип анизотропности в формы явлений психического отражения. На основе постулатов А. И. Миракяна анализируется универсальная «порождающая» триада – элементарная ячейка механизма любой отражательной системы, состоящая из двух однородных, но различных по пространственному расположению элементов, объединяющихся в третьем. Проявления принципа тринитарности как действия «порождающей» триады рассматриваются также в процессах генезиса мышления на основе исследований А. Валлона, посвященных бинарным структурам мышления ребенка, и работ Б. Ф. Поршнева по дипластии первобытных людей. Проведенный анализ, в частности, позволяет сделать вывод о том, что в мышлении тринитарность как явление природы и как средство познания выступает в единстве, в чем и заключается специфика психических процессов отражения.

Ключевые слова: бинаризм, принцип тринитарности, трансцендентальная психология, принципы порождающего процесса восприятия, бинарные структуры мышления, дипластия.

R. M. Naghdyan

The Principle of Trinitarity in Transcendental Psychology

The article discusses peculiarities of the manifestation of the principle of trinitarianism in A. I. Mirakyan's concept of mental reflection. A comparative analysis of binary and trinary ways of thinking is carried out. On the basis of the analysis of the concept of genetic development of intelligence (J. Piaget) and the concept of mental reflection (A. I. Mirakyan) the features of the manifestation of the binary way of thinking in psychology are shown. At the same time, it is indicated that the analytical style of thinking, characteristic of binarism, is a consequence of the formalization of Aristotelian logic in the form of the «law of the excluded middle». Therefore, the binary scheme of reasoning turned out to be helpless in front of the problem of synthesis. In contrast to binary trinitarian or triadic thinking it seeks to identify the systemic qualities of phenomena (or objects) that constitute synthetic unity, characterizing their completeness and integrity.

From the standpoint of the principle of trinitarianism, the principles of generating processes of perception are analyzed. It is shown that the generation of the psychic process of reflection must be considered in the triad of globality-anisotropy-product of reflection, representing the structure of the process of continuous ordering of globality (the world before reflection) through the generating principle of anisotropy into forms of mental reflection phenomena. Based on A. I. Mirakyan's postulates the universal «generating» triad is analyzed – the elementary cell of any reflective system mechanism, consisting of two homogeneous, but different in spatial arrangement, elements that are combined in the third. Manifestations of the principle of trinitarianism, as actions of the «generating» triad, are also considered in the processes of the genesis of thinking based on A. Wallon's studies dedicated to the binary structures of the child's thinking, and B. F. Porshnev's research on primitive people's diplastia. The analysis, in particular, allows us to conclude that trinity as a phenomenon of nature in thinking, as well as a means of cognition comes together in unity, which is the specificity of the mental processes of reflection.

Keywords: binarism, trinitarian principle, transcendental psychology, principles of the generator.

Каждая область знания, претендующая на статус науки, имеет в своем основании определенные осознаваемые или не осознаваемые философские предпосылки. Трансцендентальная психология как научная дисциплина также имеет свои философско-методологические ресурсы, проявляющиеся в обращении к метафизическому подходу, использовании методов диалектического материализма и принципов симметрии. Релевантность упомянутых философских предпосылок трансцендентальной психологии была обоснована в работах А. И. Миракяна [8, 9] и его последователей [11, 14], а также в наших теоретических исследованиях [10]. Но наука как живой организм развивается, совершенствуется, всегда открыта для новых идей, об одной из которых и пойдет речь. Однако прежде чем перейти к дальнейшему изложению, ответу на немой вопрос читателя: разве совместимы метафизика и диалектический материализм? Ответ: да, совместимы – при правильном понимании сущности метафизики как ядра философии можно убедиться, что между метафизикой и диалектическим материализмом нет и не может быть противоречия (хотя это тема отдельного философского исследования).

Теперь вернемся к идее развития трансцендентальной психологии. Другой, предлагаемый Г. С. Есаяном, ресурс, который, вероятно, откроет новые возможности методологического осмысления сущности принципов трансцендентальной психологии, состоит в применении тринитарного подхода для исследования принципов порождающего процесса восприятия [4], имплицитно присутствующего в концепции А. И. Миракяна.

Таким образом, в данной работе мы, со своей точки зрения, попытаемся обосновать предположение о том, что в основание методологии трансцендентальной психологии, кроме уже известных принципов, положен и своеобразный принцип тринитарности, который, по признанию многих исследователей, является одним из фундаментальных принципов природы [1; 3; 6; 15;] и др.

Прежде чем приступить к самой теме нашего исследования, необходимо указать различия, существующие между бинарным и тринитарным образами мышления.

Начиная с древнейших времен бинарное мышление оказывало большое влияние на европейскую науку, искусство и религию. Бинарный образ мышления, кажущийся господствующим в

европейской культуре, выполнял функции анализа, дифференциации, сопоставления, деления целого на противоположности, и уже в этом проявлялась его ограниченность. На это обратил внимание еще К. Лоренц, который писал: «Деление явлений мира на пары противоположностей – это врожденный принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времен» [5, с. 402]. В более частном случае, по мнению М. А. Собуцкого, «мышление дихотомиями настолько устойчиво в современной психологии, что бороться с ним, похоже, бесполезно» [16, с. 30]. И действительно, таких примеров из истории психологии можно привести множество. Обратим внимание на некоторые из них. Анализ концепции генетического развития интеллекта Ж. Пиаже с позиций методологического (философского) принципа единства симметрии и асимметрии (заметим, что уже здесь речь идет о бинарной оппозиции «симметрия – асимметрия») показал, что автор построил свою концепцию, используя, в том числе, и ряд бинарных оппозиций. В их число входят организм – среда, субъект – объект, организация – адаптация, структура – функция, ассимиляция – аккомодация и т. д. [10]. В концепции психического отражения А. И. Миракяна также встречаем ряд бинарных оппозиций, подчиняющихся закономерностям симметрии противоположностей или антисимметрии: дискретное – единое, распадение – порождение, разрушение – самосохранение, образование и разрушение отношений, анизотропность – гомогенность, однородность – неоднородность, различие – сходство, реальности отсутствующего и присутствующего [10]. Обобщая, можно сделать вывод, что сформировавшийся в науке, в частности в психологии, бинарный подход является следствием формализации аристотелевской логики в виде «закона исключенного третьего». При этом можно отметить «склонность» мышления превращать различия в непримиримые противоположности. Таким образом, анализ или аналитический стиль мышления характеризуется делением целого на части (минимальной мерой чего является дихотомия), что позволяет позиционировать бинаризм как редукционистский подход – объяснение целого через его части. Кроме того, необходимо отметить, что бинарная схема рассуждений оказалась беспомощной перед проблемой синтеза, чем и объясняется, в частности, введение в физику элементарных частиц принципа

дополнительности Н. Бора и применение его модификаций в других науках.

Однако в некоторых случаях в ходе развития науки и познавательных возможностей исследователей диады трансформировались в триады. Р. Г. Баранцев так описывает один из возможных вариантов этого перехода: «Господство одной из сторон (диады. – Р. Н.) обеспечивало стабильный период существования. Однако доминанты время от времени меняются. И в разгаре борьбы за первенство отчетливо проявляется дополнительность сторон оппозиции и формируются благоприятные условия для обнаружения третьей компоненты, обеспечивающей целостность» [1, с. 43].

В противоположность бинарному тринитарное или триадическое мышление стремится к выявлению системных качеств явлений (или объектов), составляющих синтетическое единство, характеризующее их полноту и целостность. Минимальное количество подобных качеств равно именно трем, и оно настолько «настойчиво и упорно» проявляется в познании нашего внутреннего и внешнего мира, что позволяет сделать предположение о его объективном характере. Так, например, думая о внешнем пространстве, мы имеем в виду три измерения, определяющие декартову систему координат; ориентируясь во времени, мы говорим о прошлом, настоящем и будущем; исследуя положительно и отрицательно заряженные элементарные частицы, мы знаем, что существуют и нейтральные частицы. При обращении к человеку, выделяются тело – душа – дух, разум – эмоция – интуиция, вера – надежда – любовь и т. д. В психологии общеизвестны концептуальные триады, определяющие характер и содержание психологических теорий: ид – эго – суперэго (Фрейд), родитель – взрослый – ребенок (Берн), спаситель – преследователь – жертва (треугольник Карпмана) и др.

Р. Г. Баранцев выделяет три типа триад, отличающихся разными видами связей между элементами: 1) **линейные**, когда все элементы расположены на одной оси в семантическом пространстве. Например, 1-10-100 или левый – центр – правый; 2) **переходные**, когда один элемент поднят на более высокий уровень, олицетворяя выход к синтезу. Классический образец – гегелевская формула: тезис – антитезис – синтез; 3) **системные**, когда три равноправных элемента находятся на одном уровне общности. Геометри-

ческий образ – равносторонний треугольник [1, с. 9-11].

Теперь перейдем к анализу оснований трансцендентальной психологии с позиций принципа тринитарности.

В трансцендентальной психологии исследование психики А. И. Миракян предлагает начать с разработки понятия «ничто», «которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем. Возможность понимания реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, но мы можем догадываться по следам его проявлений в присутствующем» [7, с. 67-68]. И все же возникает вопрос: как понять или осмыслить это «ничто»? Основную характеристику «ничто» автор представляет «в форме пространственно-временной однородности-гомогенности как объективное отсутствие различия в едином» [7, с. 69]. Но, когда мы мыслим о материи, материальности или о природе как о каком-то «нечто», в этом случае «основная характеристика «нечто» является нам в форме сущего, которому свойственна неоднородность-анизотропность – как объективное присутствие различного в едином. Отсюда следует, что гомогенность – объективная возможность единого, а *анизотропность – форма различия в едином*, объективная возможность формопорождения сущего...» [7, с. 69]. Таким образом, единое представляет собой некоторую имплицитную тройственность, в которой, с одной стороны, присутствует гомогенность реальности отсутствия (отсутствующего), с другой – анизотропность сущего, выступающая в форме различия, о котором имеет смысл говорить лишь в том случае, когда есть возможность выделения хотя бы двух разных (от однородных до противоположных) явлений – объектов, процессов, сторон, аспектов, свойств.

Здесь важно иметь в виду, что эта триада представляет собой определенную целостность, потому что анизотропность, порождающая форму сущего, возможна лишь на основе соответствующей ей пространственно-временной однородности-гомогенности реальности отсутствующего. Поэтому, когда А. И. Миракян говорит, что «анизотропность – это объективно существующая особенность материи, создающая в едином возможность порождения ее форм» [7, с. 71], надо полагать, что в ней уже была заложена специфическая гомогенность. Так, например, если мы имеем дело с анизотропностью двух проти-

воположных электрических зарядов, порождающих искру, то в основе этой анизотропии уже заложена некоторая гомогенность, определяющая общее качество противоположно заряженных зарядов, названное электричеством. И, кстати, необходимо отметить, что до сих пор человечество не знает, что такое электричество, на чем может быть основано предположение о том, что сущность электричества «находится» в реальности отсутствующего – за пределами данных нам в восприятии электрических зарядов, а люди вполне довольствуются тем, что имеют в реальности присутствующего – в своем сознании: существованием положительного и отрицательного видов электричества. Таким образом, в методологии трансцендентальной психологии философски (метафизически) понимаемая анизотропность рассматривается как особенность или свойство материи, дающие возможность порождения нового явления (объекта, процесса, свойства и т. д.), которое, однако, может состояться лишь в том случае, если между различными (минимум двумя) сторонами анизотропности есть возможность образования связей или отношений.

Учитывая, что анизотропность является принципом существования материи и поэтому должна проявляться на всех уровнях ее развития, можно допустить, что анизотропность в то же время является одним из главных условий спонтанного порождения психического отражения. Но следует иметь в виду, что образование анизотропных отношений, приводящее к психическому отражению, есть промежуточное звено между гомогенностью не-отраженного, не-познанного и воспринимаемого нашим сознанием продуктом психического отражения. Поэтому, рассматривая процесс психического отражения в своей целостности, мы приходим к триаде отсутствующее – анизотропность – присутствующее, представляющей структуру процесса непрерывного упорядочивания глобальности отсутствующего в формы явлений психического отражения. Из этой триады в то же время видно, что самым загадочным и не исследованным звеном в ней является отсутствующее, с которым наше восприятие, сознание и мышление не могут установить непосредственных отношений и лишены возможности его непосредственного познания, оно может быть мыслимо лишь в контексте метафизических рассуждений.

Характеризуя особенности действия воспринимающих систем живых организмов, в которых анизотропность заложена в форме ее

дискретно-анизотропных отражательных структур, А. И. Миракян гипотетически выделяет три условия, составляющие, ввиду своей универсальности, «порождающую» триаду: «первое – это дискретизация форм пространственности и непрерывности времени; второе – это возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени; и третье – это возможность образования отношений между данными различными моментами времени» [7, с. 72]. Предполагалось, что эта «порождающая» триада универсальна для всех видов отражательных систем и не зависит от модальности восприятия, что затем, действительно, было подтверждено многочисленными экспериментами [14].

Приведенная выше «порождающая» триада характеризует переход описания порождающего процесса от философского (метафизического) уровня к уровню конкретных отражательных систем. В связи с этим возникает естественная необходимость конкретизации понятия анизотропности, что и делает А. И. Миракян. Он пишет: «Содержание понятия “анизотропность”, употребляемого в данном контексте, в общей форме можно сформулировать так: анизотропность – это особенность такой системы, где каждое дискретное содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система» [7, с. 72]. Если отражательную систему рассматривать как некоторое единое, то заметим полную аналогию с изложенным выше определением единого как единства гомогенного и анизотропного, составляющих триаду однородного с (минимум) двумя сторонами различного, имеющих возможность образования отношений, приводящее к порождению нового. И, надо полагать, в истории познания природы эта однородность как объективная возможность единого оставалась не замеченной исследователями ввиду своей очевидности, а на передний план познания выдвигалось различие, часто как дихотомия целого, бинарная оппозиция, единство противоположностей, которые в науке пытались объединить на искусственной основе принципа дополнительности, закрывающего дорогу продвижения вглубь к объединяющим их основам, началам, причинам.

Возвращаясь к «порождающей» триаде, заметим, что, если рассматривается анизотропная структурная организация конкретной отражательной системы, то элементарной ячейкой,

обеспечивающей образование анизотропных отношений и тем самым – процесс формопорождения, будет система из двух элементов структуры, результат функционирования которых, при образовании между ними отношений, фиксируется в некоторой области – в третьем. Так как между этими элементами, в пространственной структуре отражательной системы, всегда можно провести условную ось симметрии, то принцип образования анизотропных отношений, проявляющийся в этой элементарной ячейке, получил название принципа образования симметрично-двуединных отношений, который можно рассматривать как универсальный механизм любого процесса формопорождения. Поэтому и по своему содержанию, и графически эта элементарная система описывается в виде триады, состоящей из двух дискретных однородных элементов структуры, в данном случае отражательной системы, соединяющихся в «точке» фиксации. Причем два дискретных элемента в этой триаде составляют единство однородного и различного. Однородность или гомогенность определяется их общим содержанием и функциональной тождественностью, а различие – пространственным расположением относительно их оси симметрии. Таким образом, мы получаем триаду, частью которой является диада, которую можно рассматривать и как бинарную оппозицию. В процессуальном отношении эта триада представляет целостность, определяемую функциональной взаимосвязью всех составляющих ее частей. Если обратиться к классификации Р. Г. Баранцева, то в данном случае имеем сочетание переходной триады – подобно гегелевской *тезе – антитезе – синтезу* – с системной триадой.

В качестве одного из доказательств того, что в основе порождающих процессов восприятия лежит именно постулат об образовании симметрично-двуединных анизотропных отношений, А. И. Миракян приводит «тот удивительный, давно известный, но до сих пор не объясненный факт, что отражательные органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, два уха, парность конечностей... даже кончик языка у пресмыкающихся состоит из двуединных симметрично-анизотропных частей» [7, с. 77]. То есть в этой цитате автор показывает, что принцип образования двуедино-симметричных анизотропных отношений как фундаментальная закономерность природы проявляется не только на психофизиологическом уровне, но и на уровне морфологической организации живых существ. Однако и в

этом случае имеем дело с триадой, так как работа парного органа восприятия невозможна без той области мозга, в которой происходят сличение и фиксация результатов интеграции двух потоков информации, идущих от разных сторон парного органа восприятия.

Учитывая фундаментальность принципов анизотропности и образования двуедино-симметричных анизотропных отношений, можно предположить, что они должны проявляться и на уровне продуктов психического отражения, создавая новые возможности отражения действительности при помощи порождения не самого психического, о чем говорилось ранее, а порождения новых возможностей, например, мышления, необходимых для его развития и самосохранения индивида. С целью демонстрации этого тезиса рассмотрим особенности генезиса, становления мышления как познавательного процесса с точки зрения бинарных образований и выясним роль бинарных эффектов для формирования отражения на этом уровне психической реальности. Поэтому из всего многообразия литературных данных по этой теме мы остановимся на исследованиях А. Валлона [17; 23; 24] по изучению бинарных структур мышления ребенка и исследованиях Б. Ф. Поршнева [12; 13] по дипластии мышления первобытных людей. Однако сразу же заметим, что ни Валлон, ни Поршнев не занимались исследованием принципов порождения или развития мышления, а основное внимание уделили констатации фактов, касающихся, по выражению Поршнева, первоначальных дологических форм мышления. Мы же попытаемся эти вопросы рассмотреть с позиций трансцендентальной психологии, основанной на фундаментальных принципах и закономерностях развития природы.

Под бинарными сочетаниями или «парами», используемыми ребенком при познании мира, А. Валлон понимает первоначальный способ объяснения ребенком воспринимаемых явлений, самую элементарную, далее неделимую, операцию мышления. «Дуальность предшествует единичному, – пишет А. Валлон, – пара или чета предшествует изолированному элементу» [17, с. 120]. Основными свойствами детского мышления являются единство (идентификация или однородность двух разных явлений) и дифференциация, противоречия и элементарность, причем, как отмечает А. Валлон, идентификация составляет первичную формулу пары.

В качестве примера приведем фрагмент экспериментальной беседы А. Валлона с детьми, заимствованный нами из работы О. М. Тутунджяна [17, с. 168].

«Л. 6:0 – Что такое дождь? – Дождь – это ветер. – Значит, дождь и ветер одинаковы? – Нет. – Что такое дождь? – Дождь – это когда есть гром. – А что такое ветер? – Это дождь. – Значит, это одно и то же? – Нет, неодинаково. – Что неодинаково? – Ветер. – Что такое ветер? – Это небо».

Из приведенного фрагмента видно, что явление, которое хочет объяснить ребенок, предстает перед ним в виде двух разных, но отождествленных, а потому однородных для него образов, выраженных двумя разными понятиями. Поэтому в подобных случаях можно говорить о «паре», о «бинарном сочетании» или о «бинарной структуре». Другими словами, для ребенка два разных образа и соответствующие им понятия, составляющие «пару», приобретают одно и то же значение («дождь – ветер», «ветер – небо», «ветер – дождь»). Пространственный аналог симметрии или однородности этого явления очевиден: взять хотя бы парные органы восприятия человека, которые тождественны (зеркально), но в то же время – различны, и один из факторов этого различия – разное местоположение в физическом пространстве. Точно так же члены «пары» тождественны по значению, но в то же время различны, потому что «занимают разные места» в понятийном пространстве ребенка. Данная аналогия приведена пока что лишь с целью сделать наглядной симметрию «пары» и содержащееся в ней единство однородности или сходства и различия. Итак, однородность «пары» – это равенство значений членов «пары» и их единство. Причем эта идентификация мнима, то есть не соответствует действительности. Из приведенного фрагмента видно также полностью не осознанное ребенком различие, которое тяготеет вновь к образованию «пары». Поэтому «пара» – это в то же время дифференциация, потенциально заложенная в ней. О. М. Тутунджян, анализируя концепцию А. Валлона, пишет по этому поводу: «Ребенок одновременно альтернативно или последовательно воспринимает одно и то же явление как идентичное (однородное – Р. Н.) и как разное. Идентификация и дифференциация – явления и противоположные, и взаимодополняющие. Они существуют, взаимоисключая друг друга, потому что идентификация мнима, а дифференциация аморфна и неустойчива». [17,

с. 175]. Это означает, что изначально некоторые фрагменты мира представляются ребенку в виде однородности, выражающейся в том, что объективно разные объекты или явления, данные в восприятии, идентифицируются как одинаковые, имеющие одно и то же значение. Но, согласно Валлону, мышление обладает и другим противоположным свойством – неустойчивой дифференциацией, разрушающей тождественность объектов, входящих в «пару», делающей их разными, что является необходимым условием для перехода ребенка к правильной идентификации явления с самим собой, к единичному, к инварианту мышления. Этот переход, согласно А. Валлону, осуществляется через индивидуальный опыт ребенка и повышение уровня своих представлений и понятий.

Используя терминологию и теоретические положения трансцендентальной психологии, можно иначе интерпретировать результаты исследований А. Валлона. Однако сначала обратим внимание на то, что образная сфера ребенка, согласно закономерностям онтогенетического развития психики, развита лучше и более дифференцирована, чем понятийная. А это означает, что, несмотря на сравнительно тонкие перцептивные различия, в понятийном пространстве мышления ребенка мир первоначально предстает как нечто более однородное и менее дифференцированное, поэтому двум разным явлениям он может дать одно и то же название (идентификация по Валлону). Подобная ситуация наблюдалась и при исследовании особенностей восприятия индейцев племени майду в Северной Америке. Оказалось, что для обозначения всего цветового спектра индейцы употребляли всего три понятия [2]. Это указывает на то, что при нормальной работе органов зрения многие цвета они не различали. Поэтому можно предположить: несмотря на то, что в системе отражения осуществлялось образование анизотропных отношений, приводящее к различению (дискретизации) и порождению цветов, далее не происходило фиксации результатов их сличения, вероятно, по причине отсутствия функциональной необходимости. То есть, в данном случае, «порождающая» триада оказалась разрушенной таким образом, что порожденный в отрагательной системе цвет не сохранялся (не происходило фиксации) и не попадал в поле сознания индейца племени майду. И в экспериментальной ситуации А. Валлона «порождающая» триада тоже «не работала», но по

причине того, что между понятиями «пары», например «ветер-дождь», не происходило образования соответствующих анизотропных отношений, вследствие чего не происходило выделения понятия как единичного, обладающего собственным семантическим значением, что и приводило к их отождествлению или неразличению.

А. Валлоном было выявлено много возможных разновидностей «пар». Среди них – «пары» перцептивной идентификации, «пары созвучия», «пары контрасты» и др. А в работе «Механизмы памяти» А. Валлон и Э. Эвар-Хмельницкая [24] показали, что «пары» как элементарные нераздельные единства проявляются также и при запоминании. В американской психолингвистике Р. Уир вскрыла тот же факт наличия парных структур мышления в языке детей [25]. Выявленные в исследованиях этих авторов факты как раз и говорят об универсальности принципов анизотропности и образования анизотропных отношений, возникающих в бинарных структурах, которые и являются основой для формирования «порождающих» триад.

А. Валлон утверждает, что бинарная структура мышления является неким пределом деградации мышления взрослых, а также – и, может быть, в особо обнаженном виде – обнаруживается при некоторых психических заболеваниях [24]. С позиций трансцендентальной психологии можно предположить, что причиной деградации или появления некоторых форм психических заболеваний у этих людей является то, что процесс образования анизотропных отношений у них заторможен и не приводит к полному вычленению понятия как единичного инварианта мышления. Кроме всего сказанного, необходимо отметить, что явления отождествления, аналогичные бинарным структурам мышления ребенка, с возрастом не исчезают и проявляются даже в мышлении ученого [10; 18; 19; 20; 21].

А. Валлону принадлежит также идея о возможности существования «пар» в мышлении первобытного человека и людей отсталых цивилизаций, что и станет предметом нашего дальнейшего обсуждения.

Исследования по палеонтопсихологии позволяют говорить о том, что первобытные люди, действительно, обладали такой же бинарной структурой мышления, которая в плоскости исторического развития была названа дипластией. Б. Ф. Поршнев, первый раскрывший содержание параллели между дипластией и «парами»

А. Валлона, основывает свою концепцию на том, что мыслительная деятельность имеет исключительно общественную природу [13]. Однако, как будет показано ниже, факты, полученные Б. Ф. Поршневым, можно интерпретировать с более глубоких позиций фундаментальных закономерностей природы, частным проявлением которых является принцип тринитарности.

По мнению Б. Ф. Поршнева, именно отношение «я и ты» у Фейербаха или «Петра и Павла» у Маркса, возникновение дифференциации отношения к себе и отношения к другому способствовало созданию условий для «отлета» ума от действительной жизни путем создания многочисленных табу [13, с. 460]. То есть, прогресс в историческом развитии психики человека, выраженный в возникновении возможности отделить себя от природы, имел и свою отрицательную сторону: в окружающей действительности первобытным человеком начали выделяться объекты и явления, воспринимаемые как иллюзорные угрозы, вследствие чего инстинкт самосохранения «наложил» запрет на контакт с ними. «Удаление» от действительности привело к депривации, лишению организма нормальных реакций на раздражения из внешней среды, которые первоначально выражались как запреты прикосновения, запреты восприятия или глядения на что-либо. Однако, несмотря на широкое распространение первоначальных табу, «неизбежно образовывались исключения во времени, в круге особей и предметов, в территории. Отбор и характер этих исключений – уже зачатки культуры» [13, с. 463].

В качестве подтверждения, Б. Ф. Поршнев приводит примеры из палеолитического искусства. Анализируя изображения огня, крови, зубов хищников, морских раковин, женские статуэтки, Б. Ф. Поршнев приходит к выводу, что «все это, как бы равные транскрипции одной и той же категории “нельзя”, “неможно”, однако преобразованное в “а все-таки трогаем”» [13, с. 463]. Нарушение депривации выразилось, следовательно, в создании подобию – внешнего удвоения явлений.

Таким образом, не только наименование в речи, но и произведения, творения рук первобытных людей не были обобщениями, а были «двойниками», «портретами» индивидуальных особей или конкретных предметов и вещей.

В контексте эволюции мышления феномен создания «двойников» был назван дипластией, когда «два явления, явно различные, несомне-

стимые, исключают друг друга, в то же время отождествлены. Они образуют пару – ту самую, которую А. Валлон для онтогенеза называет «бинарной структурой» [13, с. 468].

Важно подчеркнуть, что дипластия – это не смешение, когда человек два объекта принимает за один и тот же, тогда бы не было и удвоения. Дипластия – такая операция, где между двумя предметами или представлениями налицо: 1) очевидное различие или независимое бытие и 2) сходство или слияние. И если нет того и другого хоть в какой-то степени – отождествление невозможно.

Из изложенного выше возникают вопросы: почему в ходе исторической эволюции психики возникли именно такие формы реагирования на действительность, как создание «двойников»? Что это давало для самосохранения, выживания, развития индивида и его психики? С позиций трансцендентальной психологии, создание «двойников» означало создание дополнительной и, видимо, важной формы анизотропности. Чтобы убедиться в этом, вновь приведем определение анизотропности, данное А. И. Миракяном в контексте действия отражательной системы: «Анизотропность – это особенность такой системы, где каждое дискретное содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система». Если учесть, что «оригинал» и его «двойник» существуют как дискретные образы в мышлении первобытного человека, то их сочетание в мышлении совпадает с приведенным выше определением анизотропности. Действительно, «оригинал» и его «двойник» как дискретные образы «содержат в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система». Причем, под «однородно общим», вероятно, нужно понимать то общее значение, которое придается «оригиналу» и его «двойнику», что и приводит к их отождествлению. В этом и заключается особенность дологического мышления первобытного человека, определяемая Б. Ф. Поршневым как абсурд, когда «А» тождественно приравнивается «Б». Таким образом, возникшая вследствие создания «двойника» анизотропность создает дополнительные возможности для образования анизотропных отношений, приводящие к порождению нового психического феномена, который либо сохраняется, согласно действию «порождающей» триады, либо не сохраняется, если в этом не было функциональной

необходимости. Поэтому наличие «двойника», приводящее к образованию «порождающей» триады, не только создает имплицитную возможность развития психики в виде ее новообразования, но и приводит к созданию механизма отбора и закрепления психических реакций, необходимых для адекватного функционирования человека в окружающей среде.

Развивая свою концепцию, Б. Ф. Поршнев вводит новые важные детали, отсутствующие в исследованиях бинарных структур мышления детей А. Валлона. Он приходит к выводу, что в дологическом мышлении первобытных людей тождеству запретного «оригинала» и созданного ими «двойника» отвечала какая-то эмотивная реакция, «склеивающая» несоединимое, которая находила подкрепление только при наличии двух противоречащих друг другу раздражителей. Изложенное выше описание Б. Ф. Поршнева в точности напоминает схему «порождающей» триады: есть анизотропность в виде двух противоречащих друг другу раздражителей – «оригинала» и «двойника» – и результат образования отношений между ними, который фиксируется («склеивается») в качественно новом «третьем» – порожденном чувстве. Причем, если «отождество» в этой схеме рассмотреть как процесс (становление тождества), то его можно интерпретировать как результат процесса образования анизотропных отношений.

Далее, в своих интерпретациях, Б. Ф. Поршнев указывает на то, что эта эмотивная реакция носила весьма универсальный характер: конкретные дипластии могли быть бесконечно разнообразными, но существенно только то, что это – дипластия. И лишь дальнейшая эволюция приводит к поляризации эмоций на положительные и отрицательные, расчленению по модальностям и, наконец, к детальной нюансировке.

Согласно Б. Ф. Поршневу, в дипластии потенциально заложены две другие операции ума, одновременно противоположные и дополняющие друг друга. Это – сериация и классификация. Причиной возникновения этих двух операций ума является то, что выбор «двойников» произволен и, можно сказать, трансцендентален по отношению к «оригиналу», поэтому в предельных случаях «пара» может состоять либо из двух очень похожих явлений, так что члены этой «пары» могут быть взаимозаменяемы, либо, наоборот, максимально противоположны. Переводя эту идею Б. Ф. Поршнева на язык трансцен-

дентальной психологии, получаем весьма интересную подсказку: получается, что анизотропность характеризуется не только различием, но и *степенью* различия, которая в пространственной интерпретации может быть определена как «расстояние», «промежуток», «зазор» между «сторонами» различия. Естественно предположить, что в этих двух описанных выше крайних случаях изменение «промежутка» анизотропности приводит к изменению характера образования анизотропных отношений между членами «пары», что, в свою очередь, влияет на процесс формопорождения и в результате может привести к порождению разных операций ума. В первом случае, когда «пара» состоит из двух похожих явлений, по Поршневу, создается предпосылка к построению серии. По его предположению, в первобытном мышлении, как и в детском, сериация проявляется в виде повторения какого-либо изобразительного знака, действия, жеста, звуков, на основе которого развиваются ритм и орнамент. Во втором случае, когда члены «пары» максимально противоположны, образуется классификация. Это уже операция деления, которая в простейшем случае приводит к разграничению на «то» и «не то», на «да» и «нет», на два явления, которые ничего общего между собой не имеют. Вот это и есть зародыш той операции ума, которая в своем развитии уже противоположна дипластии и называется дихотомией, то есть делением надвое [12, с. 188]. В качестве оппозиции Бинарному объединению начинает выступать бинарное деление.

Исследования Б. Ф. Поршнева показывают, что явление бинарной оппозиции глубоко архаично и весьма характерно для первобытной социальной и духовной культуры: две противоположные фратрии рода, два тотема, наделенных свойством оппозиции, дуальная организация обрядов и мифов древних людей, современных примитивных цивилизаций и т. д. Как видно из приведенных примеров, дихотомичность – это проявление симметрии противоположностей или антисимметрии, широко распространенной в природе: частица и античастица, день и ночь, рождение и смерть, мужчина и женщина и т. д. Обсуждая причины возникновения дихотомии, Б. Ф. Поршневу делает следующий вывод: «Деление ощущений, чувств, эмоций людей на положительные и отрицательные определяются не физиологией животных и человека, где нет причин выискивать делимость всех процессов толь-

ко на две противоположные группы, а закономерностями социальными, в частности, социально-психологическими» [12, с. 189]. Конечно, можно согласиться с тем, что особенности социальной организации оказывают существенное влияние на образование и усиление дихотомии эмоций и ума первобытных людей, однако не без основания можно предположить, что своими корнями это явление уходит далеко вглубь природы и проявляется как одно из многообразных выражений ее фундаментальной закономерности – антисимметрии, являющейся проявлением анизотропности материи, материальности или природы, на основе которой далее, в ходе эволюции, может возникнуть огромное разнообразие элементарных структур «порождающих» триад, создающих возможность порождения многообразия нового, необходимого для самосохранения и развития живых систем. Из сказанного следует, что онтологию процесса психического отражения необходимо рассматривать в единстве принципов симметрии и тринитарности, потому что бинарная структура элементов, составляющая основную часть «порождающей» триады, может обладать разными формами симметрии – от тождества и симметрии подобия до симметрии противоположностей (антисимметрии), что будет влиять на характер процесса образования анизотропных отношений и, следовательно, на особенности порождения фиксируемого результата. С другой стороны, из сказанного следует, что мы можем выделить два аспекта проявлений тринитарности в мышлении, находящихся в неразрывном единстве. Во-первых, тринитарность выступает как особенность структурной организации «порождающей» триады; во-вторых, с процессуальной точки зрения, образование анизотропных отношений в бинарных структурах «порождающей» триады, с характерной для них симметрией, приводит к порождению операций ума, необходимых для познания действительности. Поэтому в мышлении как психическом познавательном процессе объединены онтологический и гносеологический аспекты обсуждаемой тринитарности. *Следовательно, в мышлении тринитарность как явление природы и как средство познания выступает в единстве, в чем и заключается специфика психических процессов отражения.* Однако необходимо уточнить, что в данном контексте гносеология понимается не в своей результативной данности – как учение о познании объектов действительности и отношений между ними, а в имплицитно-

процессуальном смысле – как *возможность* познания, или становление гносеологии.

В заключение еще раз отметим, что вместе со способностью делать разные объекты тождественными, что характерно для дологических форм познания действительности, мышление одновременно обладает и противоположным свойством, то есть способностью нарушать эту тождественность, которая потенциально заложена и в бинарных структурах мышления (Валлон), и в дипластии (Поршнев). Именно этот процесс диссимметризации (как перманентное проявление анизотропности) создает условия для составления новых пар, и этот непрерывный процесс взаимопереходов, то есть создания «пар» и их разрушения, затем – создания новых «пар» и т. д., детерминируемые взаимодействием с окружающей средой, приводит как в процессе исторического развития, так и в онтогенезе к формированию и закреплению более адекватных способов функционирования в окружающей среде, к развитию мышления, а при более широком рассмотрении с позиций трансцендентальной психологии – к упорядочиванию глобальности мира в объекты классификации, сериации, разделению их на дихотомические ряды, приводящие в результате к порождению и развитию логического мышления. И во всех этих порождающих процессах восприятия и мышления одну из важных функций выполняет именно принцип тринитарности.

Библиографический список

1. Баранцев, Р. Г. Становление тринитарного мышления [Текст] / Р. Г. Баранцев. – Ижевск : РХД, 2005. – 124 с.
2. Бендлер, Р., Гриндер, Дж. Структура магии [Текст] / Р. Бендлер, Дж. Гриндер. – СПб., 1996.
3. Владимиров, Ю. С. Принцип тринитарности в физике, философии и религии [Текст] / Ю. С. Владимиров // Метафизика. – 2012. – № 1(3). – С. 121-139.
4. Есаян, Г. С. Особенности принципа тринитарности в трансцендентальной психологии [Текст] / Г. С. Есаян // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 25-29.
5. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала [Текст] / К. Лоренц. – М., 1998. – 393 с.
6. Магнитов, С. Н., Татур В. Ю. Тринитаризм как научная доктрина ноосферы [Текст] / С. Н. Магнитов, В. Ю. Татур. – Минск : Славянское Вече-2, 2003. – С. 202-205.
7. Миракян, А. И. Основания трансцендентальной психологии восприятия [Текст] / А. И. Миракян // А. И. Миракян и современная психология восприя-
8. Миракян, А. И. Контуры трансцендентальной психологии [Текст] / А. И. Миракян. – М. : Изд. ИП РАН. – Кн. 1, 1999. – 280 с.
9. Миракян, А. И. Контуры трансцендентальной психологии [Текст] / А. И. Миракян. – М. : Изд. ИП РАН. – Кн. 2, 2004. – 326 с.
10. Нагдян, Р. М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика [Текст] / Р. М. Нагдян. – Ер. : Лусабац, 2017. – 424 с.
11. Панов, В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск [Текст] / В. И. Панов. – М. ; СПб. : Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. – 304 с.
12. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М., 1966. – 290 с.
13. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М. : Мысль, 1974. – 450 с.
14. Принципы порождающего процесса восприятия [Текст]: сб. научных статей / под ред. А. И. Миракяна. – М., 1992. – 223 с.
15. Раушенбах, Б. В. Триединство пронизывает природу [Текст] / Б. В. Раушенбах. – М. : Вера, 2000.
16. Собуцкий, М. А. Несколько заметок о бинарном мышлении в гуманитарном знании и в повседневной жизни [Текст] / М. А. Собуцкий // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 9-10. – С. 30-47.
17. Тутунджян, О. М. Психологическая концепция А. Валлона [Текст] / О. М. Тутунджян. – Ер. : Ай-астан, 1966. – 211 с.
18. Armstrong, D. M. A. Materialist Theory of Mind / D. M. A. Armstrong. – London, 1963. p. 187.
19. Danto, A. C. Representational Properties and Mind-Body Identity / A. C. Danto // cReview of Metaphysics, 1973, vol. XXXVI, № 3, p. 180.
20. Feigl, H. The «Mental» and the «Physical»-In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science / H. Feigl // Univ. of Minnoseta Press. Minneapolis, 1958, vol. II, p. 400.
21. Hooker, C. A. The Information-processing Approach to the Brain-Mind and its Philosophical Ramifications / C. A. Hooker // Philosophy and Phenomenological Research, 1975, vol. XXXVI, № 1, p. 1.
22. Lupasco, S. Logique et contradiction / S. Lupasco. – Paris, 1947.
23. Wallon, H. Les origines de la pansee chez l'enfant / H. Wallon. – Paris, 1945 (1947, 1963) deux volumes.
24. Wallon, H. et Evart-Chmielniski, E. Les mecanismes de la memoire en rapport avec sesobjets / H. Wallon, E. Evart-Chmielniski. – Paris, 1951.
25. Weir R. N. Language in the crib / R. N. Weir. – Hague, 1962.

Reference List

1. Barancev, R. G. Stanovlenie trinitarnogo myshlenija = Formation of trinitarian thinking [Tekst] / R. G. Barancev. – Izhevsk : RHD, 2005. – 124 s.
2. Bendler, R., Grinder, Dzh. Struktura magii = Structure of magic [Tekst] / R. Bendler, Dzh. Grinder. – SPb., 1996.
3. Vladimirov, Ju. S. Princip trinitarnosti v fizike, filosofii i religii = The principle of trinity in physics, philosophy and religion [Tekst] / Ju. S. Vladimirov // Metafizika = Metaphysics). – 2012. – № 1(3). – S. 121-139.
4. Esajan, G. S. Osobnosti principa trinitarnosti v transcendental'noj psihologii = Features of the principle of trinity in transcendental psychology [Tekst] / G. S. Esajan // Vzaimodejstvie akademicheskoy i praktiko-orientirovannoy psihologii v sfere obrazovanija = Interaction of academic and practice-focused psychology in education – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – S. 25-29.
5. Lorenc, K. Oborotnaja storona zerkala = Flip side of the mirror [Tekst] / K. Lorenc. – M., 1998. – 393 s.
6. Magnitov, S. N., Tatur V. Ju. Trinitarizm kak nauchnaja doktrina noosfery = Trinitarizm as scientific doctrine of a noosphere [Tekst] / S. N. Magnitov, V. Ju. Tatur. – Minsk : Slavjanskoe Veche-2, 2003. – S. 202-205.
7. Mirakjan, A. I. Osnovaniya transcendental'noj psihologii vosprijatija = Bases of transcendental psychology of perception [Tekst] / A. I. Mirakjan // A. I. Mirakjan i sovremennaja psihologija vosprijatija = A. I. Mirakjan and modern psychology of perception – M. : URAO «Psihologicheskij institut», 2010. – S. 61-89.
8. Mirakjan, A. I. Kontury transcendental'noj psihologii = Contours of transcendental psychology [Tekst] / A. I. Mirakjan. – M. : Izd. IP RAN. – Kn. 1, 1999. – 280 s.
9. Mirakjan, A. I. Kontury transcendental'noj psihologii = Contours of transcendental psychology [Tekst] / A. I. Mirakjan. – M. : Izd. IP RAN. – Kn. 2, 2004. – 326 s.
10. Nagdjan, R. M. Zagadka psihiki: transcendental'naja psihologija i metafizika = Mentality riddle: transcendental psychology and metaphysics [Tekst] / R. M. Nagdjan. – Er. : Lusabac, 2017. – 424 s.
11. Panov, V. I. Jekopsihologija: Paradigmal'nyj poisk = Ecopsychology: Paradigm search [Tekst] / V. I. Panov. – M. ; SPb. : Psihologicheskij institut RAO; Nestor-Istorija, 2014. – 304 s.
12. Porshnev, B. F. Social'naja psihologija i istorija = Social psychology and history [Tekst] / B. F. Porshnev. – M., 1966. – 290 s.
13. Porshnev, B. F. O nachale chelovecheskoj istorii = About the beginning of human history [Tekst] / B. F. Porshnev. – M. : Mysl', 1974. – 450 s.
14. Principy porozhdajushhego processa vosprijatija = The principles of the generating perception process [Tekst] : sb. nauchnyh statej / pod red. A. I. Mirakjana. – M., 1992. – 223 s.
15. Raushenbah, B. V. Triedinstvo pronizyvaet prirodu = The trinity penetrates the nature [Tekst] / B. V. Raushenbah. – M. : Vera, 2000.
16. Sobuckij, M. A. Neskol'ko zametok o binarnom myshlenii v gumanitarnom znanii i v povsednevnoj zhizni = Several notes about binary thinking in humanitarian knowledge and in everyday life [Tekst] / M. A. Sobuckij // Filosofskaja i sociologicheskaja mysl'. – 1993. – № 9-10. – S. 30-47.
17. Tutundzhjan, O. M. Psihologicheskaja koncepcija A. Vallona = Psychological concept of A. Vallon [Tekst] / O. M. Tutundzhjan. – Er. : Ajastan, 1966, – 211 s.
18. Armstrong, D. M. A Materialist Theory of Mind / D. M. Armstrong. – London, 1963. p. 187.
19. Danto, A. C. Representational Properties and Mind-Body Identity / A. C. Danto // sReview of Metaphysics, 1973, vol. XXXVI, № 3, p. 180.
20. Feigl, H. The «Mental» and the «Physica»-In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science / H. Feigl // Univ. of Minnoseta Press. Minneapolis, 1958, vol. II, p. 400.
21. Hooker, C. A. The Information-processing Approach to the Brain-Mind and its Philosophical Ramifications / C. A. Hooker // Philosophy and Phenomenological Research, 1975, vol. XXXVI, № 1, p. 1.
22. Lupasco, S. Logique et contradiction / S. Lupasco. – Paris, 1947.
23. Wallon, H. Les origines de la pansee chez l'enfant / H. Wallon. – Paris, 1945 (1947, 1963) deux volumes.
24. Wallon, H. et Evart-Chmielniski, E. Les mecanismes de la memoire en rapport avec sesobjets / H. Wallon, E. Evart-Chmielniski. – Paris, 1951.
25. Weir R. N. Language in the crib / R. N. Weir. – Hague, 1962.